

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Научная статья

УДК 008:14

DOI: 10.20323/1813-145X-2025-4-145-230

EDN: BCOOKS

«Новый советский человек» в рефлексии отечественной литературы XX в.

Сергей Анатольевич Никольский

Доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора философии культуры. Институт философии РАН. 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, 12/1
s-nickolsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2202-2043>

Аннотация. Осмысление феномена «новый советский человек» невозможно вне историософии, социальной философии, философской антропологии, истории, философии культуры, культурологии, литературы и кинематографа. И наиболее содержательный материал предоставляется отечественной философствующей литературой первого ряда. Анализ природы «нового человека», создаваемого ленинско-сталинской властью вместо уничтоженного человека старого общества, предполагает исследовательскую работу, начиная от дооктябрьского периода и завершая временем «перестройки». В перечне основных преобразовательных задач феномена советского, постановка и решение которых «потрясли мир» (Д. Рид), было не только осмысление покорности русского человека (И. Тургенев, Л. Толстой), не только идея «расчистки места» (И. Тургенев, Н. Чернышевский), «обезвреживание старого мира» до состояния «распустейшей пустыни» (Л. Леонов) и «перескок» из феодализма в коммунизм как «видоизменение обычного исторического порядка» (В. Ленин), но и создание нового субъекта истории – «усовершенствованного коммунистического человека – “ускомчела”» (И. Эренбург) или «гомо советикуса» (А. Зиновьев). Прародители «нового советского человека» – открытые Андреем Платоновым «прочие» (роман «Чевенгур») – появившиеся из Первой мировой и Гражданской войны «никакие» люди, годные на все, готовые ко всему. Их формовка прошла в период НЭПа (роман «Вор» Л. Леонова), а новое явление зафиксировано «деревенской» прозой В. М. Шукшина.

Ключевые слова: философия; литература; история; «новый советский человек»; общество; сознание; «прочие»; «деревенская» проза; «чужаки»; «придурки»

Для цитирования: Никольский С. А. «Новый советский человек» в рефлексии отечественной литературы XX в. // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 4 (145). С. 230–238. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-4-145-230>. <https://elibrary.ru/BCOOKS>

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART (CULTUROLOGY, ART CRITICISM)

THEORETICAL ASPECTS IN STUDYING CULTURAL PROCESSES

Original article

The «new soviet man» in the reflection of russian literature of the twentieth century

Sergey A. Nikolsky

Doctor of philosophical sciences, chief researcher, department of philosophy of culture, Institute of philosophy, Russian academy of sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya st., 12/1
s-nickolsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2202-2043>

Abstract. Understanding the phenomenon of the «New Soviet Man» is impossible outside of historiography, social philosophy, philosophical anthropology, history, philosophy of culture, cultural studies, literature and cinema. And the most informative material is provided by the Russian philosophical literature of the first row. The analysis of the nature of the «New Man» created by the Leninist-Stalinist government instead of the destroyed man of the old society involves research work, starting from the pre-October period and ending with the time of «perestroika». The list of the main transformative tasks of the Soviet phenomenon, the formulation and solution of which «shocked the world» (D. Reed), included not only the understanding of the submissiveness of the Russian people (I. Turgenev, L. Tolstoy), not only the idea of «clearing the place» (I. Turgenev, N. Chernyshevsky), «neutralization of the old world» to the state of the «most desolate desert» (L. Leonov) and the «leap» from feudalism to communism as a «modification of the usual historical order» (V. Lenin), but also the creation of a new subject of history – «an improved communist man – a “uscomchela”» (I. Lenin). Ehrenburg) or «homo sovieticus» (A. Zinoviev). The progenitors of the «New Soviet Man» – the «others» discovered by Andrei Platonov (the novel «Chevengur») – appeared from the First World War and from the post-October Russian Civil War «no» people, fit for anything, ready for anything. Their formation took place during the NEP period (the novel «The Thief» by L. Leonov), and a new phenomenon was recorded in the «rural» prose of V. M. Shukshin.

Key words: philosophy; literature; history; «New Soviet Man»; society; consciousness; «others»; «rural» prose; «weirdos»; «jerks»

For citation: Nikolsky S. A. The «new soviet man» in the reflection of russian literature of the twentieth century. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2025; (4): 230-238. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-4-145-230>. <https://elibrary.ru/BCOOKS>

Большая страна,
Родная страна, –
От моря до моря легла ты!
Куда ни пойдешь –
Везде молодежь,
И все от рожденья крылаты!

В. Лебедев-Кумач [Лебедев-Кумач, 1941].

Осмысление советского прошлого невозможно без обращения к историософии, социальной философии, философской антропологии, истории, философии культуры, культурологии, литературе и кинематографу [см., напр.: Злотникова, 2021]. Именно согласованное взаимодействие дисциплин обеспечивает достоверность и адекватность анализа, типологизации социальной жизни российского общества и человека и в итоге понимание их движущих сил, динамики и направления развития. При этом важно обращать внимание не только на традиционно изучаемые обществоведами экономические, политические и прочие социальные факторы этого процесса. В рамках полидисциплинарного подхода все больше осознается необходимость углубленного человеческого измерения феномена – от персонологии ключевых исторических фигур и психологического настроения масс-толп (Г. Лебон и С. Московичи) до деталей предлагаемого властью антропологического идеала. Поэтому, наряду с историческим антропологическим анализом [Булдаков, 2010; 2012], обращение к художественным «текстовым высказываниям» современных эпохе писателей-мыслителей как части общего понимания не просто важно – необходимо.

В перечне основных преобразовательных задач феномена советского, постановка и решение

которых «потрясли мир» (Д. Рид), было не только осмысление покорности русского человека (И. Тургенев, Л. Толстой), идеи «расчистки места» (И. Тургенев, Н. Чернышевский), «обезвреживания старого мира» до состояния «распустейшей пустыни» (Л. Леонов) и «перескок» из феодализма в коммунизм как «видоизменение обычного исторического порядка» (В. Ленин), но и анализ нового субъекта истории – «усовершенствованного коммунистического человека – “ускомчела”» (И. Эренбург) или «гомо советикуса» (А. Зиновьев).

Историю формирует социальный тип человека, и художественным анализом созидательной практики, наряду с осмыслением практики разрушительной, сразу после Октября занялась отечественная литература – поэзия и несколько позднее – проза. При этом, наряду с широко представленной в настоящее время линией критико-реалистичной, в дальнейшем не следует упускать из виду и другую философско-литературную линию анализа, в которой предпринимается попытка раскрыть позитивный потенциал созидаемого феномена «нового человека». Тем не менее был печальный и даже трагический опыт укоренения феномена «советского», который по мере ослабления коммунистической пропаганды и в особенности в перестройку и после распада СССР сделался в России предметом критического исследования. Объяснялась эта тенденция желанием отдать дань уважения жертвам сталинского режима, восстановить историческую память. Однако при этом вне внимания оставалась логика становления «нового совет-

ского человека». Именно элементы этой логики и составят предмет моей статьи.

* * *

Природа советского гомункулуса закладывалась в процессе, который Ленин округло именовал «видоизменением обычного исторического порядка», за чем скрывалась идея «перескока» России из позднего феодализма и раннего капитализма через этап капиталистического развития в коммунизм. Инструментом «авантюристического революционного видоизменения истории» [Ойзерман, 2003] Ленин считал созданную им когорту «профессиональных революционеров».

Не исключено, что первым импульсом для идеи «перескока» служило первоначальное заблуждение К. Маркса и Ф. Энгельса об «уникальном историческом шансе» русской общины миновать ужасы первоначального капитализма в силу наличия в ней «общинного коллективизма», подобного «коллективизму коммунистическому». Однако по мере знакомства посредством русских социал-демократов с аграрной реальностью классики убедились, что коллективизм русской общины с ее круговой порукой представлял собой прежде всего поддерживаемый властью фискальный и рекрутский инструмент и был далек от свободного коммунистического коллективизма, был стадией развития, характерной для всех «примитивных народов». Кроме того, Маркс и Энгельс выработали понимание, что ни один общественный строй не сходит с исторической сцены раньше, чем разовьются его движущие силы. По этой причине России, следовал вывод, как и другим странам, не миновать капитализма, прежде чем она приблизится к коммунистическому укладу.

Знал ли об этой перемене взглядов Маркса и Энгельса Ленин, те из отечественных историков, кто был и остался апологетами ленинизма, естественно, умалчивают. Однако даже ими признается, что вождь Октября апеллировал к нему или игнорировал в зависимости от сиюминутной политической выгоды.

В связи с оценкой ленинизма поставлю еще один важный вопрос – о цивилизационной готовности страны к «скачку» из феодализма в коммунизм. Точнее – об очевидном факте – минимально необходимом уровне культуры, которую создает капитализм и которого в 1917 году в России еще нет. Об этом, например, писал Н. Суханов [Суханов, 1922]. Однако и в этом случае Ленин, нацеленный на всероссийский авантюрный эксперимент, находит «ответ»:

«Если, для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный “уровень культуры”, ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы». И, развивая далее этот тезис, утверждает: «Для социализма, – говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны» [Ленин, 1970, с. 381].

Обращу внимание, что для радикал-революционера Ленина указание на негативное – «уничтожение помещиков и капиталистов» является равноценным, если не более сильным по значимости фактом, чем отсутствующее позитивное явление – действительное наличие и овладение массами плодами определенного уровня культуры.

Поэтому, не взирая на марксизм с его идеей постепенного развития, сразу после Октября Ленин предпринял попытку создания «государства-коммуны», организации «непосредственного коммунистического производства и распределения» [Никольский, 1990]. «Военный коммунизм» (1918–1921) был не только вынужденной политикой, но и политикой, рассчитанной на осуществление «революционной большевистской мечты», которая вылилась в природно-рукотворный голод 1921–1922 годов и привела к волнам крестьянских антибольшевистских восстаний. И лишь после того, как большевики на X съезде РКПб на время отложили создание коммунизма в деревне, вооруженное сопротивление крестьян – «повстанчество теряет свою социальную базу, так как крестьянство добивается своей главной цели – свободы хозяйственной деятельности (включая насильственную организацию коммун и совхозов – С. Н.) и уже не видит смысла в продолжении вооруженной борьбы с большевистской властью» [Кондрашин, 2024, с. 342].

Трагедия Первой мировой и Гражданской войны была истоком появления новой социальной страты – «людей ниоткуда» – «прочих»,

впервые описанных Андреем Платоновым в романе «Чевенгур» [Никольский, 2024; Неретина, 2019]. «Прочие создали из себя самодельных людей неизвестного назначения; причем такое упражнение в терпении и во внутренних средствах тела сотворили в прочих ум, полный любопытства и сомнения, быстрое чувство, способное променять вечное блаженство на однородного товарища, потому что этот товарищ тоже не имел ни отца, ни имущества, но мог заставить забыть про то и другое, – и еще несли в себе прочие надежду, уверенную и удачную, но грустную, как утрата. Эта надежда имела свою точность в том, что если главное – сделаться живым и целым — удалось, то удастся все остальное и любое, *хотя бы потребовалось довести весь мир до его последней могилы*» (курсив автора статьи) [Платонов, 2011, с. 285–286].

В квалификации «прочих» как корня будущего «советского человека» ключевые определения его природы – согласие (согласованность) и покорность. Все время своего исторического существования советский строй последовательно и целеустремленно культивировал эти качества русского, российского, советского человека, добиваясь, чтобы они сделались его позитивным свойством – готовностью всегда и во всем руководствоваться властной волей.

* * *

Изначально покорность и согласие (согласованность) – общечеловеческие, сформированные природой и историей сознание и чувство, практики, нормы поведения и обычаи, определяющие действия индивида и социальных групп во внешней естественной и искусственной среде. Покорность и согласованность формируются и живут в особом индивидуальном поведении, в образе жизни, они – фактор, определяющий общее состояние общественных отношений и довлеющее чувство и строй мыслей в поведении социальных общностей и отдельных индивидов.

Покорность и согласованность – сложный, оправданный, а иногда единственный способ выживания. Поэтому они не могут быть однозначно оценены и, тем более, легкомысленно осуждены. Так, начиная со времени существования племен славян в тяжелой для жизни природной среде на северо-восточной оконечности Европы, *покорность и согласованность с природой* требовали от крестьянина неукоснительно следовать им. В условиях иноземного 240-летнего татаро-монгольского владычества и в последую-

щем многовековом крепостном состоянии *социальная покорность и согласованность* была единственным способом бытия и выживания.

Доживающий свой век на рубеже XX столетия русский самодержавный феодализм и идущий ему на смену начальный дикий капитализм, а после Октября 1917 года и предпринявший «коммунистический скачок» большевизм еще на столетие сделали императивную или свободно избранную покорность и согласованность единственными подходящими для рядового жителя страны способами существования.

Покорность и согласованность не является родовой характеристикой исключительно русского или советского общества. Примерами подобного рода полна история Европы и других стран. Что до отечественного социума советского периода, то ни общество, ни отдельный человек в своей массе не имели возможности высвободиться из дооктябрьского феодально-крепостного и раннесоветского состояния, генерирующего властную императивную покорность. То есть, имело место добровольное приятие покорности и согласованности части народа с властью. Но для другой части, принимавшей покорность и согласованность вынужденно, еще не сложились возможности высвобождения из этого состояния. Только начинали складываться отношения собственности, независимые системы права и правоприменения, гарантирующие личные права и свободы граждан. Но большинство продолжало пребывать в зависимости от самодержавия, которое удерживало огромную империю, для чего манипулировало универсальным механизмом собственности/бессобственности.

В силу неразвитости капиталистических отношений в стране не было гражданского общества, зачатки которого – политические партии, земство, кооперация, едва сложившись, были сразу же уничтожены большевиками. Однако и до его физического устранения гражданское общество в России было подростковым.

В рассмотрении свойства покорности как важного для понимания советского я несколько не оригинален. Значительно ранее меня в общей форме это констатировал А. А. Зиновьев, определявший в своих социологических романах советское общество следующее: советское общество – «это – общество хамелеонов, само в целом являющееся гигантским хамелеоном» [Зиновьев, 1982, с. 73]. Очевидно, что хамелеон – это приспособленец, то есть разновидность покорности.

* * *

Покорность как согласованность жизни с природой и с социумом впервые подробным образом исследована И. С. Тургеневым в «Записках охотника» (1847) – своего рода первой «энциклопедии русского мировоззрения» [Никольский, 2008]. Подобным образом о социальной покорности пишет и наблюдавший крестьянина-солдата Л. Н. Толстой в рассказе «Рубка леса» (1855). Его первоначальное название «Дневник кавказского офицера», что подчеркивает важность этого документального свидетельства, особенно ценно для моего акцентирования художественных источников в понимании «духа времени» и мировоззрения людей.

Рассказ ведется от имени юнкера – командира взвода, который не чужд социологических наблюдений. Согласно ему, «в России есть три преобладающие типа солдат, под которые подходят солдаты всех войск: кавказских, армейских, гвардейских, пехотных, кавалерийских, артиллерийских и т. д.

Главные эти типы, со многими подразделениями и соединениями, следующие: 1) Покорных. 2) Начальствующих и 3) Отчаянных. Покорные подразделяются на а) покорных хладнокровных, б) покорных хлопотливых. Начальствующие подразделяются на а) начальствующих суровых и б) начальствующих политичных. Отчаянные подразделяются на а) отчаянных забавников и б) отчаянных развратных.

Чаще других встречающийся тип, – тип более всего милый, симпатичный и большей частью соединенный с лучшими христианскими добродетелями: кротостью, набожностью, терпением и преданностью воле Божьей, – есть тип покорного вообще» [Толстой, 1979, с. 53].

Далее Толстой конкретизирует выделенные типы и среди наиболее характерных и преобладающих типов выделяет именно покорных с их готовностью быть такими, какими им предписано быть и какими их видит начальство. При этом очевидно, что и тип «начальствующих» невозможен без покорности, поскольку предполагает движение по карьерной лестнице. Да и третий тип – «отчаянных» вписывается в логику поведения покорности, хотя и с отрицательным знаком для второй подгруппы – «отчаянных развратных».

Таким образом, в классификации Льва Толстого обнаруживается еще одно указание на исторический фундамент в виде покорности и согласованности. В дальнейшем он сыграет свою роль в формировании отличительных черт совет-

ского человека. Также не следует забывать и о том, что путь, по которому страна при Сталине двигалась тридцать лет и который был весь покрыт могилами как тех, кто не принял нового строя, так и тех, кто оказался его назначенными виновными или случайными жертвами, делает вопрос о покорности, согласованности и их анализе отнюдь не простым.

Также как и «прочие», исследователями не осмыслена и введенная Леонидом Леоновым категория «вор» (воры) – одна из материализаций «прочих». Между тем, как в изначальном антисоветском по сути издании 1927 года, так и в последовавших доработках и переделках 1959 и 1990 годов, Леонов вольно или невольно выходит за пределы криминальной истории жизни бывшего красного командира Дмитрия Векшина и поднимается до рассмотрения «новых советских людей» во времена НЭПа. Правда, в одном из позднейших вариантов романа в его финале герой уходит из воровской среды и оказывается в артели лесорубов, кои наставляют его посредством побоев и труда на путь истинный. И он даже направляется на учебу и делается таким образом вполне перекованным строителем социализма.

Думаю, что такой финал – при понятной необходимости для Леонова в одно время придать произведению «социалистический окрас», напоминает откровенную соцреалистическую пьесу Н. Погодина «Аристократы» [Погодин, 1935]. В ней бывший вор и бандит Костя-капитан при наставлении благородных и культурных чекистов становится ударником труда на Беломорканале, о чем, переполненный счастьем, всем и заявляет своей песней.

Однако Леонов не был бы большим писателем, если бы, подобно Погодину, удовлетворился пропагандистской сказкой. Все же его, как и Андрея Платонова, «вела за собой» жизнь, и он имел смелость этому понуждению следовать. По этой причине, редактируя роман в 1990 году, он пишет кончину героя такой, какой она скорее всего и была в реальности: состарившегося Векшина с паханского статуса низвергают и чуть не «берут на ножи» подростки молодые волки-урки.

Платоновские «прочие» в романе Леонова хоть и имеют прошлое Гражданской войны, но забывают о нем и превращаются либо в скатывающихся в преступность «воров», либо в «никаких», вполне готовых на все – «новых прочих». Но, в отличие от Платонова, у Леонова присутствует и вера в будущее: «Лет через двадцать люди будут очень гордые, без единой болячки и трещинки, всякая боль

или озлобляет, или ослабляет... и вообще надолго бракует человека. А гордый не застонет, не солжет, не украдет... Сейчас мало гордых людей; у нас пока смиренных любят!» И далее: «...поскребите смиренного, и если он не дурак, то уж наверно недобрый человек. И пусть гордость движет поступками людей. Пусть это будет гордость мастера, гордость героя, гордость матери, которая их обоих родила. Жизнь, конечно, настанет красивая» [Леонов, 1983, с. 131–132].

В дальнейшем, начиная примерно с середины 1930-х годов в художественном осмыслении «нового советского человека» средствами философствующей литературы наступает перерыв. Вызван он был, на мой взгляд, тремя факторами. Во-первых, относительно легальный потенциал критического философского анализа феномена к началу 1930-х годов был исчерпан. Далее определенного предела осуществлять анализ власть больше не позволяла. Вольница 1920-х годов была свернута и запрещена. Обратившиеся к теме «нового советского человека» в критикомористическом ключе, кроме Андрея Платонова и Леонида Леонова, другие авторы, настроенные к советской власти лояльно, хотя и «завуалированно-критически», например, И. Ильф и Е. Петров, выпустившие в 1928 и в 1931 гг. свои знаменитые романы [Ильф, 1993], на масштабное и объективное исследование феномена благоразумно не претендовали. А. М. Булгаков после антисоветской повести 1925 года «Собачье сердце» [Булгаков, 2023] свой знаменитый роман «Мастер и Маргарита» [Булгаков, 2005], который к означенной теме может быть отнесен с серьезными оговорками, создал только в 1939–1940 годах. И он, само собой, также не публиковался.

Вторая причина перерыва критико-философского анализа феномена советского человека состояла в том, что власть сумела найти для него противоположный критическому, в целом комплиментарный философско-литературный подход. Тут, само собой, в первую очередь следует говорить не о художественно убогих произведениях-официозах, созданных многочисленными сервильными литераторами, но о другом редком типе – тексте-агитации, за которым стоит трагическая судьба автора. Речь о романе Н. Островского «Как закалялась сталь» (1934) [Никольский, 2020]. Его всесторонний, пробуждающий патристические эмоции анализ, беспримерная в масштабах страны пропаганда и императивное, контролируемое властью распространение и изучение было частью практического создания верного

партии молодого «нового советского человека». Обязательное изучение произведения десятками миллионов не только членов партии и комсомола, но практически всем без исключения административным и государственным персоналом, силовыми структурами, несоюзной молодежью и вообще населением СССР было возведено в ранг обязательного долга. Реальный человек – фанатик и почти святой автор произведения стал символом человека нового мира, символом СССР. На этом фоне, естественно, никакие сомнения, размышления и, тем более, критический анализ феномена «нового человека социализма» стали недопустимы, да и этически вряд ли были возможны.

Третьей причиной прервавшегося изучения феномена стала актуальная сперва внутривнутриполитическая, а затем и международная, в том числе военная повестка дня, сделавшаяся главной темой СССР 1930-х годов. Со второй половины десятилетия, после ужасов коллективизации и уничтожения разного рода оппозиций настал черед планомерного насаждения сталинского партийного самодержавия в органах управления, репрессий внутри самой политической полиции, а также в армии как потенциально-опасной антидиктаторской среды.

Начавшаяся затем Вторая мировая и Великая Отечественная война надолго отодвинула повестку «нового человека» с переднего края в дальние карманы исторической сцены. Власть стало не до того, чтобы целенаправленно различать «своих» и «чужих», «старых» и «новых». Эта же ситуация продлилась и в период позднего сталинизма, когда, с одной стороны, шел болезненный отказ от иллюзий и надежд на лучшую жизнь, о которой мечтали на фронте (о роспуске колхозов, прежде всего), а, с другой, вновь в полный рост встал вопрос о выживании в ситуации, когда слабеющий диктатор цеплялся за власть, но все более терял представление о границах требуемого и реально-возможного для поддержания своей диктатуры.

Последовавшая затем «оттепель» стала своего рода стимулом и этапом для осознания того, что было сделано в 1920–1930-е годы для создания «нового советского человека», что не могло не отражаться на его ближайших потомках в 1960-е годы. Таким образом, «деревенская» проза 1960–1980-х годов может считаться закономерным продолжением анализа феномена «нового советского человека» в его новом, «послеоттепельном» сознании и самосознании.

* * *

Вслед за первым поколением довоенных «прочих» после войны пришло время создания «новых прочих» – с единой верой и волей, с единой преданностью одному безгрешному и гениальному вождю. И хотя, чем дальше от Октября, а затем и от сталинизма, готовность следовать этим путем проявлялась все менее, но инспирированная властью в народе в прошлом ненависть ко всякого рода «иным», властью заклеянным, была сильна. В. М. Шукшин, автор «чудиков», вспоминал об отношении к нему, восьмилетнему пацану, чьего отца как кулака, якобы готовившего восстание против советской власти, вместе с еще несколькими крестьянами на всякий случай расстреляли в 1937 году: «Бывало, выйдешь к колодезю, тебе кричит вся деревня: “У-у, враженок!” Ни сочувствия, ни милосердия от земляков-сельчан» [Варламов, 2015, с. 30].

В полной мере «прочие – новый советский человек» обнаружили себя в «деревенской» прозе. И хотя представителей «деревенской» прозы литература знает множество, для моего анализа я избрал только одну фигуру, не чуждого философичности Шукшина. Для него крестьянство внеисторично: каким оно было в XVII веке при Стеньке Разине, таково же сохранилось при Хрущеве и при Брежнев. При этом, когда я говорю, что крестьянство у автора романа «Я пришел дать вам волю» одно и то же, то речь о духе крестьянина-пахаря, воина, соли земли Русской, о его отношениях с властью. Отношения эти – всегда подневольные. И воли, которую сулил дать еще Степан Разин, как не было, так и нет.

А что до радикальных перемен, то та сила, которую Разин почувствовал как силу «бумаги», силу государства, с тех пор, не изменившись по сути, количественно возросла. Радикально переменялась и народная природа. Народ бунтовать перестал, с силой власти смирился и, как выражается Шукшин, встал «на карачки». Однако в мечтаниях продолжал видаться Шукшину как эталонный образец для подражания всего общества. И хотя сам Василий Макарович, как следует из воспоминаний его друзей, не верил в коммунизм как в насильно воплощаемую в СССР идею, но для того, чтобы иметь возможность высказать свою правду, решил до времени поостеречься, выдумал «шифроваться» (А. Варламов). И не напрасно, потому как в равной мере на поверхности земли обнаружили как прекрасные «чудики», так и их отвратительные антиподы «придурки». При этом, оба новых типа руко-

творно происходили от одного родителя – платоновских «прочих».

Вот, например, «шибко дурной», по словам жены шофер Михайло, даже в выходной не оставляющий забот о промывке засорившегося карбюратора (рассказ «Светлые души»). Вот «талантливый», как он сам себя характеризует, молотобоец, по ночам вырезающий из дерева поющего песню смолокура (рассказ «Стенька Разин») или поглощенный познанием мира герой рассказа «Микроскоп». «Я их видеть не хочу, эти бумажки! И дураком жить тоже не хочу!» – кричит забывший роль и по-настоящему живущий на сцене актер Федор Грай (одноименный рассказ). Или шофер Гринька, бросившийся выгонять с нефтебазы пылающий грузовик и в ответ на вопрос корреспондентки «Что заставило его так поступить?», откровенно, как было в фильме Шукшина «Живет такой парень», отвечает: «дурость» (рассказ «Гринька Малюгин»).

«Чудики» Шукшина – сохраняющие с «прочими» родство своим малым знанием или вовсе незнанием реальной истории предков-крестьян и вообще обладающие ограниченными знаниями и культурой. Например, рассказ «Внутреннее содержание»: в нем пара деревенских парней пытается затеять безнадежное знакомство-дружбу с приехавшей на время городской девушкой и в финале, после неудачи один из парней размышляет: «Шляпу, что ли купить, ядрена мать!» И хотя они наследники «прочих», но не вполне. Потому как своей чутко переживаемой прикрепленностью к деревне-родине, к своей семье, готовы делать не только любые, какие прикажут, но добрые и полезные людям дела, а иногда и вовсе увлекаются жадой познания и самовыражения. Но много среди «новых советских прочих» и «придурков», ставших пособниками власти в ее давлении на народ. Хорошо известен реальный случай с писателем в московской больнице (рассказ «Кляуза»).

Проблеск понятия «придурок» у Шукшина есть и в неожиданном случае, произошедшем с вроде «отрицательным» персонажем, героиней «Любавиных» – Марией. Кажется, все с ней ясно уже в силу ее биографии. Красавица, не находящая «верной цели» и общественно-полезного интереса, трижды бывшая замужем и, наконец, «спутавшаяся» с приезжим учителем, чем разбила «здоровую советскую семью», лишила беременную жену мужа. И все, что называется «от скуки».

Но что предлагает ей «правильный» муж, секретарь райкома Ивлев? Он с комсомольцами задумал создать «штаб культуры», чтобы «разви-

вать» таковую в деревне, бороться с «пошлостью». Для организации «штаба» в клубе собирается комсомольско-молодежный актив села, чтобы договориться, с чего начать работу. «Завтра, в воскресенье, мы, например, организуем рейд под названием: “Долой пошлость!”». Будем заходить в дома и объяснять хозяевам, особенно молодым, что всякие картинки с лебедями, разные кошечки, слоники – все это ужасная безвкусица, мещанство. Это не красиво, а пошло! Надо объяснять людям, что это некультурно. ... Лучше купить две-три хорошие репродукции картин больших мастеров и повесить у себя. Это, кстати, будет и дешевле. И это будет культурно. Пусть не все сразу поймут, мы на это и не рассчитываем. Но не может быть, чтобы никто не понял. Поймут» [Шукшин, 1998а, с. 444].

Объятый порывом «насаждать культуру» партийный руководитель обращается к жене – «многочужней» Марии, предлагая ей принять участие в работе «штаба культуры».

«– “Штаб культуры” – слова-то какие, – сказала она. – Там, где “штаб”, там не может быть культуры, и наоборот. Не делом вы занимаетесь, товарищ секретарь. Простительно отцу моему – он человек старых навыков, а вы-то молодые!

Ивлев решил серьезно понять ее.

– А как ты считаешь, надо насаждать культуру в селе? – как можно спокойнее спросил он.

– Все дело в том, что ее не надо насаждать. Это не кукуруза.

– А что надо делать?

– Ничего. Все придет само собой в свое время.

– Неправда. К нам с тобой ничего не пришло само собой, нас учили люди, нам рассказывали...

– Нас учили грамоте. А культура – это совсем другое» [Шукшин, 1998а, с. 439–440].

Кроме того, не все наследие «старых прочих» исчезло. Спустя десятки лет иного «нового прочего – придурка» не оставляет та же бессодержательная пустота. Чем приглушить ее? И он находит беспронизышный выход – что-нибудь сломать-доломать. Хоть, например, церковь. «Сейчас взревет тракторы, и произойдет нечто небывалое в деревне – упадет церковь. Люди постарше все крещены в ней, в ней отпевали усопших дедов и прадедов, как небо привыкли видеть каждый день, так и ее...» [Шукшин, 1998б, с. 24].

Но обнаруживается ли позитивный смысл в намеченном и сотворенном разрушительном действии? «Проходя мимо бывшей церкви, Шурыгин остановился, долго смотрел на ребяташек, копавшихся в кирпичах. Смотрел и успокаивался. “Вырастут, будут помнить: при нас церкву свалили.

Я вон помню, как Васька Духанин с нее крест своротил. А тут – вся грохнулась. Конечно, запомнят. Будут своим детишкам рассказывать: дядя Коля Шурыгин зацепил тросами и... нечего ей стоять, глаза мозолить”» [Шукшин, 1998б, с. 27].

Позднее, в 1980–1990-е годы, литература обратилась к утаенному в сталинские времена властью богатому литературному наследию – прежде не печатавшимся антисоветским произведениям. А потом пришла новая эпоха, в которой, на мой взгляд, еще мало текстов, заслуживающих серьезного осознания. Но разговор о которых необходим.

Библиографический список

1. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Москва : АСТ, 2005. 447 с.
2. Булгаков М. А. Собачье сердце : сборник. Москва : АСТ, 2023. 382 с.
3. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. Москва : РОССПЭН, 2010. 967 с.
4. Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. Москва : РОССПЭН, 2012. 759 с.
5. Варламов А. Шукшин. ЖЗЛ. Москва : Молодая гвардия, 2015. 398 с.
6. Зиновьев А. А. Гомо советикус. Лозанна : L'AGE D'HOMME, 1982. 199 с.
7. Злотникова Т. С. Советское бытие в динамике философско-антропологического и культурно-исторического опыта / Т. С. Злотникова, С. А. Никольский, Г. Л. Тульчинский, Т. И. Ерохина. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. 123 с.
8. Ильф И. Двенадцать стульев. Золотой теленок / И. Ильф, Е. Петров. Москва : ТОО «ММП», 1993. 559 с.
9. Кондрашин В. В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. Москва : РОССПЭН, 2024. 662 с.
10. Лебедев-Кумач В. И. Капитаны воздушных морей // Под красной звездой. Москва ; Ленинград : Детиздат, 1941. С. 12–14.
11. Ленин В. И. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. Март 1922 – март 1923. Москва : Политиздат, 1970. С. 378–382.
12. Леонов Л. Вор // Леонов Л. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. Москва : Худ. лит., 1982. 614 с.
13. Неретина С. С. Философская антропология Андрея Платонова / С. С. Неретина, С. А. Никольский, В. Н. Порус. Москва : ИФ РАН, 2019. 236 с.
14. Никольский С. А. Власть и земля. Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября. Москва : Агропромиздат, 1990.
15. Никольский С. А. Загадка Андрея Платонова: «прочие» в «Чевенгуре» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 9. / отв.

ред. Н. В. Корниенко; сост. М. В. Осипенко. Москва : ИМЛИ РАН, 2024. С. 83–95.

16. Никольский С. А. Николай Островский: «место в железной схватке за власть». Россия накануне и после Октября // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 4 (23). С. 161–168.

17. Никольский С. А. Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни отечественной литературе и философии XVIII – середины XIX столетия / С. А. Никольский, В. П. Филимонов. Москва : Прогресс-Традиция, 2008. 416 с.

18. Ойзерман Т. И. Марксизм и утопизм. Москва : Прогресс-Традиция, 2003. 566 с.

19. Платонов А. Чевенгур // Чевенгур. Котлован. Москва : Время, 2011. С. 9–410.

20. Погодин Н. Аристократы : Комедия в 4 д. Москва : Гослитиздат, 1935. 99 с.

21. Суханов Н. Н. Записки о революции. Санкт-Петербург : Изд-во З. И. Гржебина, 1922–1923.

22. Толстой Л. Н. Рубка леса // Собрание сочинений: в 22 т. Т. 2. Москва : Худ. лит., 1979. С. 50–86

23. Шукшин В. Любавины // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Москва : Надежда-1, 1998а. 544 с.

24. Шукшин В. Крепкий мужик // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Москва : Надежда-1, 1998б. С. 22–28.

Reference list

1. Bulgakov M. A. Master i Margarita = The Master and Margarita. Moskva : AST, 2005. 447 s.

2. Bulgakov M. A. Sobach'e serdce = Heart of a Dog: sbornik. Moskva : AST, 2023. 382 s.

3. Buldakov V. P. Krasnaja smuta. Priroda i posledstvija revoljucionnogo nasilija = Red Troubles. The nature and consequences of revolutionary violence. Moskva : ROSSPJeN, 2010. 967 s.

4. Buldakov V. P. Utopija, agressija, vlast'. Psihosocial'naja dinamika postrevoljucionnogo vremeni. Rossiya, 1920–1930 gg. = Utopia, aggression, power. Psychosocial dynamics of post-revolutionary time. Russia, 1920–1930. Moskva : ROSSPJeN, 2012. 759 s.

5. Varlamov A. Shukshin = Shukshin. ZhZL. Moskva : Molodaja gvardija, 2015. 398 s.

6. Zinov'ev A. A. Gomo sovietikus = Homo sovieticus. Lozanna : L'AGE D'HOMME, 1982. 199 s.

7. Zlotnikova T. S. Sovetskoe bytie v dinamike filosofsko-antropologicheskogo i kul'turno-istoricheskogo opyta = Soviet being in the dynamics of philosophical-anthropological and cultural-historical experience / T. S. Zlotnikova, S. A. Nikol'skij, G. L. Tul'chinskij, T. I. Erohina. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2021. 123 s.

8. Il'f I. Dvenadcat' stul'ev. Zolotoj telenok = Twelve chairs. Golden calf / I. Il'f, E. Petrov. Moskva : TOO «MMP», 1993. 559 s.

9. Kondrashin V. V. Rossijskaja derevnja v uslovijah industrial'noj modernizacii = Russian village in conditions

of industrial modernization. Moskva : ROSSPJeN, 2024. 662 s.

10. Lebedev-Kumach V. I. Kapitany vozdušnyh morej = Captains of the Air Seas // Pod krasnoj zvezdoj. Moskva ; Leningrad : Detizdat, 1941. S. 12–14.

11. Lenin V. I. O nashej revoljucii (po povodu zapisok N. Suhanova) = About our revolution (regarding N. Sukhanov's notes) // Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izd. T. 45. Mart 1922 – mart 1923. Moskva : Politizdat, 1970. S. 378–382.

12. Leonov L. Vor // Sbranie sochinenij = Collected works: v 10 t. T. 3. Moskva : Hud. lit., 1982. 614 s.

13. Neretina S. S. Filosofskaja antropologija Andreja Platonova = Philosophical anthropology of Andrei Platonov / S. S. Neretina, S. A. Nikol'skij, V. N. Porus. Moskva : IF RAN, 2019. 236 s.

14. Nikol'skij S. A. Vlast' i zemlja. Hronika utverzhdenija bjurokratii v derevne posle Oktjabrja = Power and land. Chronicle of the approval of the bureaucracy in the village after October. Moskva : Agropromizdat, 1990.

15. Nikol'skij S. A. Zagadka Andreja Platonova: «prochie» v «Chevengure» = The riddle of Andrei Platonov: «others» in «Chevengur» // «Strana filosofov» Andreja Platonova: problemy tvorchestva. Vyp. 9. / otv. red. N. V. Kornienko; sost. M. V. Osipenko. Moskva : IMLI RAN, 2024. S. 83–95.

16. Nikol'skij S. A. Nikolaj Ostrovskij: «mesto v zheleznoj shvatke za vlast'». Rossiya nakanune i posle Oktjabrja = Nikolai Ostrovsky: «a place in the iron battle for power». Russia on the eve and after October // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2020. № 4 (23). S. 161–168.

17. Nikol'skij S. A. Russkoe mirovozzrenie. Smysly i cennosti rossijskoj zhizni otechestvennoj literature i filosofii HVIII – serediny XIX stoletija = Russian worldview. Meanings and values of Russian life in Russian literature and philosophy of the 18-th – mid-19-th centuries / S. A. Nikol'skij, V. P. Filimonov. Moskva : Progress-Tradicija, 2008. 416 s.

18. Ojzerman T. I. Marksizm i utopizm = Marxism and utopianism. Moskva : Progress-Tradicija, 2003. 566 s.

19. Platonov A. Chevengur // Chevengur. Kotlovan = Chevengur. Ditch. Moskva : Vremja, 2011. S. 9–410.

20. Pogodin N. Aristokraty = Aristocrats : Komediya v 4 d. Moskva : Goslitizdat, 1935. 99 s.

21. Suhanov N. N. Zapiski o revoljucii = Notes on the revolution. Sankt-Peterburg : Izd-vo Z. I. Grzhebina, 1922–1923.

22. Tolstoj L. N. Rubka lesa = Tree-felling // Sbranie sochinenij: v 22 t. T. 2. Moskva : Hud. lit., 1979. S. 50–86

23. Shukshin V. Ljubaviny = Lubavins // Sbranie sochinenij: v 6 t. T. 4. Moskva : Nadezhda-1, 1998а. 544 s.

24. Shukshin V. Krepkij muzhik = Strong man // Sbranie sochinenij: v 6 t. T. 2. Moskva : Nadezhda-1, 1998b. S. 22–28.

Статья поступила в редакцию 30.05.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025; принята к публикации 31.07.2025.

The article was submitted 30.05.2025; approved after reviewing 16.06.2025; accepted for publication 31.07.2025.